

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлагула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (61)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarov Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Богордаева А.А., Лискевич Н.А.*

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН, Червишевский тракт, 13, Тюмень, 625008
E-mail: bogordaeva@mail.ru (Богордаева А.А.); povod_n@mail.ru (Лискевич Н.А.)

ПОСЛЕ КАЗЫМСКОГО МЯТЕЖА: ОБ ОДНОМ ОТЧЕТЕ ПО СБОРУ ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ У СОСЬВИНСКИХ МАНСИ В 1934 г.

Статья посвящена анализу и публикации отчета по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 гг. В отчете описываются «жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьва Березовского района». Особая ценность этого документа заключается в этнографических описаниях образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святилищ и культовой атрибутики, медвежьего праздника, родильной обрядности.

Ключевые слова: советская власть, традиционная обрядность, охота, рыболовство, обычное право, коренные народы, манси, коми-зыряне, Обь-Иртышский Север, Казымская культбаза.

Введение

Преобразования советской власти 1920–1930-х гг. сопровождалась ломкой традиционных устоев, установлением новой идеологии, подавлением реальных и потенциальных врагов новых порядков. Массовые репрессии 1930-х гг. среди крестьян выражались в ущемлении гражданских прав (лишение избирательных прав), имущественных прав («раскулачивание»), права на досуг (в результате обложения индивидуальным налогом или дачей твердого задания), ссылкой, ограничением передвижения. Среди коренных народов Сибири дискриминации подвергались не только «кулаки», но и так называемые шаманы, искоренению подлежало любое проявление религиозности. По мнению Е.М. Главацкой, «шаманы традиционно обладали высоким религиозным авторитетом, который в условиях смены власти особенно возрос, они зачастую являлись выразителями и защитниками интересов соплеменников, что зачастую не совпадало с интересами Советской власти» [2005, с. 290].

Новая власть организовывала на Севере культбазы, которые должны были стать центрами по вовлечению коренных народов в социалистическое строительство, фокусом социально-культурных преобразований, средоточием развития образования, здравоохранения, культуры [Ерныхова, 2010]. Это, по сути, представляло собой крупномасштабные инвестиции центра в распространение общей культуры, образа жизни, идеологии, что давало возможность укрепления контроля над периферийными территориями [Агапов и др., 2015, с. 69–70]. Сопrotивляясь нововведениям, коренные жители проявляли неповиновение и, в ряде случаев, открыто выступали против действий новой власти. Такие выступления трактовались как «мятеж», «восстание» и жестоко подавлялись. Одним из наиболее крупномасштабных стал Казымский мятеж, развернувшийся в 1933–1934 гг. и ставший первым примером сопротивления коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа против политики, проводимой советской властью [Ерныхова, 2003, с. 88–92].

События, связанные с Казымским мятежом и его последствиями, сохраняются в исторической и социальной памяти. Изучению, анализу и осмыслению происходивших столкновений посвящены научные исследования и художественные работы. Однако же до сих пор остаются документы, отражающие действия властей по профилактике подобных событий, которые еще не введены в научный оборот. Наша статья посвящена анализу и публикации отчета о поездке в начале 1934 г. по р. Сосьве, в котором описываются «жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьва Березовского района» (прил.)¹. Документ хранится в Государственном бюджетном учреждении Тюменской области Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области в деле № 199, где собрана «информация окружкома ВКП(б) об экономическом состоянии округа, искажении национальной политики работниками Казымской культбазы на озере Нум-то»

* Corresponding author.

¹ Документ был опубликован ранее [Лискевич, 2016].

[ГАСПИТО. Ф. 107, оп. 1, д. 199, л. 27–29]. Дело содержит документы на 30 листах, относящиеся к 1934 г. На обложке дела имеется помета «РАСЕКРЕЧЕНО. Акт № 2 от 13.02.04».

История изучения Казымского мятежа

Последовательное изложение событий, связанных с Казымским мятежом, приводится в работе А.В. Головнева «Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров» [1995, с. 165–178]. При этом автор делает акценты на этнографических особенностях действий инсургентов, показывает, каким образом проводились оповещение «туземцев» о сборах туземного схода, объединение «казымского мира» и выработка общей стратегии действий с предъявлением требований властям. А.В. Головнев подчеркивает ритуализированность действий мятежников — принесение жертвоприношений во время сборов, проведение обрядов камлания для получения совета от духов, в том числе о необходимости убийства работников культбазы. По мнению А.В. Головнева, для «туземцев это была война за традиции, и потому оказались в ходу жестокие средства из арсенала, казалось, давно ушедших в прошлое “богатырских войн”» [Там же, с. 178]. В этой же работе рассматриваются подобные возмущения коренных народов начала 1930-х гг. — «Смута на Тольке» и «Ямальская мандалада» [Там же, с. 178–194].

События на Казымской культбазе освещаются в статье А.С. Пиманова и А.Н. Пиюкова «Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах» [1998]. Авторы показывают роли, деятельность, личностные особенности участников восстания, обращают внимание на «перегибы» в разделении общества коренного населения по имущественному признаку, политические и экономические нюансы термина «кулак» и значение реципрокного (возвращающегося, взаимного) обмена для казымских оленеводов.

Монография О.Д. Ернуховой «Казымский мятеж: об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.» [2003, 2010b] стала развернутым исследованием, посвященным анализу событий, связанных с организованным сопротивлением коренных народов социалистическим преобразованиям. Работа базируется на многочисленных архивных источниках, в том числе рассекреченных в начале 2000-х гг. О.Д. Ернухова показывает, как менялся уклад коренных жителей Севера в связи с мероприятиями советской власти на Обь-Иртышском Севере по созданию системы административного управления и решению вопросов социально-экономического развития, проведения коллективизации, строительства культбаз. В качестве основных факторов, спровоцировавших Казымское восстание, автором выделены изменение размеров налогообложения, насильственное привлечение детей коренных народов к обучению в школе-интернате, игнорирование религиозных особенностей местного населения, и в первую очередь ненецкого. В монографии восстанавливается общая картина постепенного нарастания напряжения среди казымского сообщества и смещения события с территории Казымской культбазы в район озера Нумто, где развернулась «самоедская война с русскими», произошло убийство представителей советской власти, подавление восстания опергруппой ОГПУ и задержание мятежников. Исследование О.Д. Ернуховой дополняется приложением текстов архивных документов и фотографий из истории Казымской культбазы.

А. Лезте, профессор этнологии Тартуского университета, специалист по финно-угорским народам, представил общую картину Казымских событий в широком историческом и антропологическом контексте, показал параллели с другими вооруженными выступлениями в Западной Сибири, направленными против советской власти, в 1920–1930-х гг., критически проанализировал источники, выявив противоречия в описании событий очевидцами и материалах дознания [2004]. Стараясь сохранить объективность в определении исторической правды, А. Лезте обращает внимание на этические проблемы: «В случае Казымской войны мы имеем дело с превосходящим насилием колониальной власти в отношении к коренному народу»; «Казымская война является в известной степени реакцией на быстрое и обширное наступление другой культуры» [Там же, с. 13]. Наряду с социально-экономическими факторами, он подчеркивает значимость национальных и культурных барьеров, которые помогают раскрыть многие психологические механизмы, приведшие в действие восстание. Эти проблемы не были специфическими для казымских хантов, а являлись универсальными для всей Западной Сибири, и в первую очередь, по мнению А. Лезте, они проявлялись в отношении местных представителей власти к верованиям и понятиям о святых местах коренного населения [Там же, с. 198–201]. Кроме того, начавшееся структурирование общества по имущественному и религиозному признакам и карательные меры против определенных категорий населения вступали в противоречие с традициями сложившейся социальной структуры и обычного права, вызывали отторжение и протест

[Там же, с. 209]. В других исследованиях автором были рассмотрены значение обычного права коренных жителей в эскалации мятежа [Leete, 2003], роль шаманов в крупных восстаниях коренных народов с описанием их участия в конфликтах и необходимость критичного изучения источников [Leete, 2015]. В работе «Культурные базы на Севере: советизация и сопротивление коренных народов» авторы попытались показать восприятие жителями Севера социально-экономических и социокультурных преобразований, инициируемых в рамках культбаз [Toulouze и др., 2016]. Открытие культбаз решало культурно-образовательные проблемы («ликвидация неграмотности», открытие школ, профессиональные курсы, общее просвещение и пр.), санитарно-гигиенические, медицинские и ветеринарные вопросы, пропагандистские и экономические аспекты деятельности культбаз. Это были, несомненно, позитивные направления деятельности культурных баз. Однако же пример Казымской культбазы показал, что незнание традиционных обычаев местных жителей и излишне жесткие методы для ускорения «переустройства» предопределили развитие конфликта [Там же].

Е.В. Перевалова, анализируя протестные выступления в Сибири в 1920–1930-х гг., приходит к выводу о резкой смене в этот период основных колонизационных принципов по сравнению с российским освоением XVI — начала XX в., более интенсивной эксплуатации природных ресурсов и экономическо-идеологическом давлении на коренных жителей [2009, с. 125–133]. Е.В. Перевалова показала парадигму мифологизации памяти о событиях и трагических последствиях Казымского мятежа как для работников культбазы, так и для его участников в виде мифов-преданий, политического мифа и новейшего арт-мифа [2016]. Н.Б. Граматчикова отмечает, что в советский период документальные источники по восстаниям 1930-х гг. были скудными и малодоступными, а официальная историография была представлена краеведческой литературой в духе «чекистского» эпоса [2023, с. 197]. Автору удалось сопоставить эго-документы 1930-х и 1970-х гг. и «чекистский эпос» 1960-х гг., что позволило реконструировать память «победившей» стороны [Там же, с. 194–237].

Арт-миф получил отражение в мемуаристике, художественных произведениях, кинематографе. В 2002 г. вышел роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» с иллюстрациями Г.С. Райшева [2002], в котором драма Казыма показана через призму трагедии одной семьи, ее переживаний и представлений о добре и зле. И это позволяет автору, в отличие от историков и этнографов, делать оценочные утверждения о правильности и этичности действий как коренного населения, защищавшего свою землю, так и их противников, покусившихся на самые основы их жизни. По роману Е. Айпина в 2009 г. был снят художественный фильм, получивший название «Красный лед. Сага о хантах» (режиссер О. Фесенко). В 2014 г. появился фильм «Ангелы революции» (режиссер А. Федорченко), в котором приемы художественного вымысла и опора на достоверные исторические факты позволили очень емко и эмоционально показать конфликт базовых ценностей и картины мира представителей новой власти и коренных жителей. Режиссер очень тонко показал, что у каждой стороны конфликта была своя правда и своя вера, дающая право на дальнейшие действия по защите ожидаемого будущего. По мнению А. Федорченко, «непонимание, неприятие, несогласие с другим, иным и незнакомым (не важно, идеология это или искусство) — причина конфликтов и обязательных потерь при попытке навязать свое» [Империя обязана...].

Отдельные аспекты влияния Казымского мятежа на выработку внутренней политики в округе, эмоционального состояния представителей власти и «проводников» в новую жизнь можно увидеть в документальной повести С.Б. Наварской «Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы XX века» [Наварская]².

Профилактические меры после Казымского восстания

По данным О.Д. Ерныховой, казымские события получили широкую огласку; местное население других территорий, в том числе манси, поддерживало казымских хантов и ненцев [2003, с. 77]. Известие о подавлении восстания широко разошлось по всему округу, усиливая недовольство действиями советской власти, которое было общим для коренных народов на разных территориях. Кроме того, власти опасались, что повстанцев могут поддержать другие обиженные и возмущенные группы. С.Б. Наварская так описывает сложившуюся ситуацию: «Когда мы в марте прибыли в Березов, повстанцы были подавлены и рассеяны по тундре. Но опасность еще присутствовала. С запада, из Коми-Пермяцкого округа, восставшим могли оказать помощь

² Подробнее об этой работе можно посмотреть: [Граматчикова, Енина, 2015].

многочисленные репрессированные и раскулаченные, сосланные в лагеря. Обстановка готова была взорваться в любой момент!» [Наварская, с. 20].

В отчете о работе окружкома ВКП(б) за 1931–1933 гг., в разделе «Ограничение и вытеснение эксплуататорских элементов и работа с беднотой и батрачеством», подчеркивалось, что «Социалистическое строительство колхозов, реконструкция рыбного и пушного хозяйства, развертывание культурной революции в округе проходит в условиях бешеного сопротивления классовых врагов — кулаков, шаманов и других антисоветских элементов. Эти классовые враги пытаются использовать в своих целях специфические условия Севера, в частности низкий культурно-политический уровень туземного населения, неграмотность его, суеверие, консерватизм и остатки родовых традиций, также наличие в округе значительного процента бывших торговцев, скупщиков пушнины, бывших подручных купцов и т.п. среди русского и зырянского населения, наличие в округе громадного числа пришлого населения (около 28000 чел.) и кулацкой ссылки (около 32000 чел.). Кулачество из русского и зырянского населения, в условиях роста коллективизации, применения к ним твердых заданий и налоговых репрессий, пытаются надеть на себя маску бедняка или середняка, оказывают отчаянное сопротивление проведению мероприятий партии и правительства действуя “тихой сапой”. <...> В этих условиях классовая борьба и эксплуатация бедноты и батрачества со стороны кулаков и шаманов, выливается в самых разнообразных формах...» [ГАСПИТО. Ф. 107, оп. 1, д. 111, л. 21].

В документе приводятся примеры такой классовой борьбы по линии советов, коллективизации, школы, кооперации и снабжения, в проведении хозяйственно-политических компаний, среди кочевого и полукочевого населения. Так, указывалось, что «по линии советов имелись попытки кулачества переизбрать советы, ввести сюда своих ставленников кулаков и шаманов. В Ломбовожском тузсовете Березовского района, в конце 1932 г. кулаки-шаманы Х...вы (фамилия написана неразборчиво. — *Н. Л.*) и Шубины организовали шаманские праздники, на 4 дня оторвали 120 рыбаков от лова, избрали на этом празднике нелегально новый состав тузсовета из шаманов и подкулачников. По возвращении с праздника туземцы потребовали переизбрания тузсовета, выдвигая этот новый состав. Благодаря своевременно принятым мерам со стороны партиячейки и развертывание работы среди бедноты перевыборы не состоялись. Подобный же факт имел место в 1932 г. на р. Казым» [Там же, л. 22]. В отчете подчеркивалось, что к одной из форм классовой борьбы приравнивается шаманство, которое в некоторых районах недооценено, «особенно в Шурышкарском и Сргутском районах, где влияние шаманов особенно сильное» [Там же, л. 32].

В докладных записках Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ 1933 г. описывалась борьба с шаманством и действиями шаманов — Кунина Ефима Ивановича (Шаты), «проживающего в Ларьякской тундре», Николки Неттина, Васьки Сорума, «проживающих между рекой Казымом Березовского района и рекой Тазовкой» [Там же, д. 116, л. 5–10, 61]³, шаманов «Айпина Ефремки... Никулки, по прозвищу “Белая голова”», живших в Сургутском районе в бассейне Агана [Там же, л. 57–58]. В 1936 г. проводились мероприятия по ликвидации «шаманско-кулацкой группировки» в Сургутском районе [Там же, д. 332].

Для выявления «контрреволюционных» настроений на местах и предотвращения протестных действий в районы компактного проживания коренных жителей в 1934 г. отправлялись специальные агенты ОГПУ, которыми часто являлись завербованные представители местного населения [Леэте, 2004, с. 189]. Одним из примеров проводимых «исследований» может стать отчет о поездке по р. Сосьве, в котором описываются «жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьва Березовского района» [Там же, д. 199, л. 27–29]⁴. Документ, представляющий собой отчет о поездке по р. Сосьве неизвестного автора, состоит из трех листов машинописных копий, отпечатан черной краской с одним интервалом, через копирку (?), бумага формата А4, пожелтевшая, подписей нет. На первой странице в левом верхнем углу рукописная помета, сделанная красными чернилами «Секр. К делам». Текст отчета написан со стилистическими и пунктуационными ошибками, с искажениями географическим названий, разной передачей одних и тех же фамилий. Документ приведен в соответствии с современной орфографией и пунктуацией с сохранением стилистических особенностей оригинала, топонимы и антропонимы оставлены без исправлений. Отчет представляет собой логичное повествование, с акцентом на информацию, связанную с проявлением религиозности местных жителей и отношением к Казымскому восстанию, содержит кри-

³ Подробнее о репрессиях в отношении Е.И. Кунина см.: [Головнев, 1995, с. 178–183].

⁴ Полный текст отчета дан в приложении.

тичные высказывания автора к собственным наблюдениям и завершается рекомендациями о проверке выявленных фактов. Особая ценность этого документа заключается в этнографических описаниях образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святилищ и культовой атрибутики, медвежьего праздника, родильной обрядности.

Этнографические описания в отчете

Исследовательский маршрут можно отследить по названиям населенных пунктов и рек, упоминаемых в отчете. Он пролегал по селениям, расположенным по берегам Северной Сосьвы: Анеево (Ачеево), Сартынья (Сыртынья), Бедкаж (Ветки), Шомы, Кимкъясуй (Тим-Кисуп), Нильдино — и Ляпина: Межи, Ломбовож (в тексте — Ломбовожский тузсовет), Саранпауль (Сарампауль). В 1920–1930-е гг. на этой территории занимался этнографическими исследованиями советский угровед В.Н. Чернецов [Источники..., 1987]. Так, в 1933–1934 гг. маршрут его путешествия включал селения по берегам рек Конды, Юконды, Тапа, Малой Сосьвы и верховьев Северной Сосьвы [Там же, с. 160–197]. В указанных в изучаемом документе поселках (Ломбовож, Межи, Сартынья) В.Н. Чернецов побывал летом и осенью 1931 г. и осенью 1935 г. [Там же, с. 136–160, 197–208]. Кроме того, в верховьях Ляпина и Северной Сосьвы он был осенью и зимой 1926 г., на Северной Сосьве и Оби — в 1936–1937 гг. [Там же, с. 29–43, 209–252]. В ходе этих экспедиций исследователю удалось собрать ценные и обширные сведения по традиционной культуре проживающих здесь манси.

В то же время в представленном документе автор называет население данной территории осяками. Кроме того, отмечается, что большинство жителей поселков, в которых находятся тузсоветы (Ломбовож, Сартынья, Саранпауль), является зырянским, эти же поселения обозначены как наиболее крупные по численности. Данные о численности населения, приводимые в документе, носят приблизительный характер. Так, по сведениям автора, в Саранпауле в этот период было более 100 юрт (домов), в Сартынье — около 50, а в остальных — 10–30. По данным этнографической литературы, в 1930 г. на данной территории были созданы Сартыньинский и Ломбовожский национальные советы. Сартыньинский совет включал 251 хозяйство в 32 поселениях с населением 1319 чел., из которых манси составляли 1060 чел. (81 %), а Ломбовожский — 100 хозяйств в 8 поселках с населением в 488 чел. [Северная Сосьва..., 1992, с. 39]. В 1930–1933 гг. здесь были организованы 7 колхозов: в Сартынье — колхоз им. Чапаева, в Шомах — им. Ворошилова, в Бедкаж — им. Кирова, в Тоболдинских — им. 1-го Мая, в Межах — им. Молотова, в Ломбовоже — им. Ворошилова [Там же, с. 40]. Однако ни точная численность, ни количество хозяйств в документе не указываются, а колхозы даже не упоминаются.

Особое внимание автор документа уделяет жилищу. Характеризуя дома местного населения, он отмечает их сходство с обычными домами, а также чистоту их интерьера — окрашенные и помытые полы, наличие умывальников (и их нехватку) и использование тонкой сосновой стружки для утирания. Здесь же он описывает домашние святилища «осяков» (манси), которые располагались под крышей (в тексте — «крышкой») в углу. При строительстве жилища у манси применялась самцовая конструкция крыши без потолка, которая сохранилась в старых домах до наших дней. Внутри жилища у противоположной от входа стены под крышей во всю ее ширину или в углу, как описывается в документе, делался «настил» — полка, на которой хранили священные предметы и культовые атрибуты, часто в приспособленных для этого ящичках.

В документе приводится описание содержимого одного их таких «шайтанов» — ящичков, в котором хранились дары для духа-покровителя. В основном это были шкурки пушных животных. По данным автора, особо ценились в качестве подарка «шайтану» шкурки россомахи, которые редко сдавались заготовителям. Очевидно, в этот период шкурки оставались одним из основных жертвенных даров духам-покровителям. Осуществляя приемку четырех мешков пушнины, найденной в одном из священных лабазов, автор отмечает, что к мордочкам шкурок были привязаны лоскуты ткани с завязанными в уголках российскими монетами разных исторических периодов, что указывает на длительность их хранения. Вероятно, такие жертвенные места с хранившимися здесь подношениями были не просто местами поклонения духам-покровителям, но своеобразными хранилищами, закромами, откуда в случае нужды можно было взять необходимое и потом вернуть. Так, в документе приводятся сведения об обычае заимствования из жертвенных даров некоторых шкурок в качестве сдачи, взаимообмена. При этом перед тем, как взять что-то «из шайтана», его хозяин должен был получить разрешение от жены и других взрослых членов семьи и совершал молитву.

Отмечает автор и регулярность проводимых на Сосьве медвежьих праздников, которые устраивали по каждому добытому медведю и собирали население близлежащих поселков «для производства пляски и поедания этого мяса». Кроме этих сведений, знания автора о празднике

ограничиваются информацией о медвежьих клыках, которые привязываются к поясу для здоровья и силы спины. Побывавший в этих местах позднее (1936–1937 гг.) В.Н. Чернецов присутствовал на нескольких медвежьих праздниках и собрал здесь обширные сведения по их проведению [Источники..., 1987, с. 210–251].

Характеризуя образ жизни населения как полуоседлый, автор указывает, что большая часть занимается оленеводством, а у некоторых стада насчитывают до 100 голов. В то же время, по его словам, основу хозяйственной деятельности манси (остяков) составляют пушной промысел (в основном добывают белку) и рыбная ловля, которая в зимнее время здесь мало развита из-за ее трудоемкости. Эти сведения совпадают с характеристикой таежно-предуральского хозяйственного комплекса, преобладающего на данной территории [Северная Сосьва..., 1992, с. 18–24].

Рассматривая документ в целом, можно отметить, что маршрут поездки в основном включает населенные пункты, которые, очевидно, находились на зимнике. Об этом же свидетельствуют и упоминаемые в отчете зимние юрты, меховая одежда и зимние промыслы населения. Характерно, что в документе не упоминается Сосьвинская культбаза, строительство которой началось в 1933 г. Вероятно, она находилась за пределами маршрута следования. В ряде случаев в документе содержатся ошибки — в названии проживающего здесь народа, в названиях населенных пунктов. В то же время заслуживает внимания информация о медвежьих клыках, мужской и женской прическе, об обычае «заимствования» из прикладов духа, о межэтнических отношениях и др. Особую ценность представляют сведения об обряде перехода матери с ребенком в жилой дом после родов, зафиксированный в Верхненильдино (Нильдино), об оставлении жилища после смерти в нем от болезни (кори) двух детей в д. Шомы (Шом). Представленная здесь информация во многом дополняет имеющиеся в нашем распоряжении этнографические материалы о культуре и быте населения Сосьвы в 1930-е гг.

Заключение

В истории изучения Казымского восстания отмечается несколько основных направлений. Это выявление и анализ факторов восстания, их влияние на жизнь коренного населения, а также анализ действия властей по подавлению мятежа и профилактике подобных протестов. События, связанные с Казымским мятежом и его последствиями, сохраняются в исторической и социальной памяти. Однако же до сих пор остаются документы, отражающие действия властей по профилактике подобных события, которые еще не введены в научный оборот. Профилактика протестных движений была связана в первую очередь с выяснением «контрреволюционных» настроения на местах, религиозного и социального состояния местных жителей и борьбой с шаманством и «кулаками». Подобную задачу выполнял неизвестный автор отчета по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 гг. Отчет датирован 7 марта 1934 г. и содержит сведения о жизни, правах и обычаях коренных жителей бассейна рек Сосьва и Ляпин, расположенных в Березовском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югра (Северо-Западная Сибирь). Отчет представляет собой логичное повествование, с акцентом на информацию, связанную с проявлением религиозности местных жителей и отношением к Казымскому восстанию, содержит критичные высказывания автора к собственным наблюдениям и завершается рекомендациями о проверке выявленных фактов. Автор приводит этнографические описания образа жизни, жилищ, одежды, бытовых особенностей, домашних святылец и культурной атрибутики, медвежьего праздника, родильной обрядности и др. Документ дополняет имеющиеся в распоряжении исследователей данные о социальных процессах в 1930-е гг. и является ценным источником по культуре и быту населения Северной Сосьвы начала XX в.

Приложение

ЖИЗНЬ, ПРАВА И ОБЫЧАИ ОСТЯКОВ ПО РЕКЕ СОСЬВЕ БЕРЕЗОВСКОГО РАЙОНА

Л. 27. От Березова вверх по реке Сосьве расположены юрты остяков и дальше вверх по реке Ляпино.

Образ жизни ведут полуоседлый, имея летние и зимние юрты, есть также большая часть оленеводов, кочующих со своими чумами. Наибольшее количество кочевников оленеводов по Ломбовожскому тузовету. Некоторые имеют стада оленей по 100 голов со слов их самих. Населенные пункты имеют юрт (домов) в большинстве от 10 до 30 юрт за исключением центров тузоветов Сарампауля и Сыртыньи⁵, первая больше 100 юрт, вторая около 50. В центрах тузоветов преобладающее большинство — зыряне. Юрты зимние имеют вид постройки, похожей на дом, юрты, не имеющие окон и полов, по Сосьве и Ляпино не

⁵ Искаженные названия населенных пунктов Березовского района: Саранпауль и Сартынья. Возможно, ошибки возникли вследствие того, что написанное от руки перепечатывал на машинке не автор, поэтому такая путаница в названиях.

встречаются. Характерно бросаются в глаза шикарные олени изделия верхней одежды, в особенности у женщин и девиц. Мужчины и женщины носят косы с навитыми шкурами (шнурками? — А. Б.) почти до самого пола. У девиц и молодых женщин косы разукрашены всевозможными кольцами из железа и меди. Обувь почти у всех — это кисы, тобоки, одежда — малицы короткие и длинные, все разукрашено и отделано цветными сукнами, а у женщин — разными причудливыми рисунками из разных цветов шкур и отделка набором бисера стеклянного разных цветов.

Внутри юрт наблюдается чистота, часто встречаешь хорошо вымытые полы, а изредка даже окрашенные на один ряд краской. По юртам есть умывальники, правда, в своем большинстве примитивные, вместо полотенец в большинстве употребляется тонкая сосновая стружка для вытирания рук и лица.

Наблюдается большой спрос на умывальники и полотенца, которых по торговым организациям почти нет.

В каждой юрте в углу сделан к крышке настил, на котором стоит ящик, который называется «шайтаном», куда кладутся ценные добываемые шкурки и шкурки, имеющие случайную разноцветную окраску. Иногда они берут несколько шкурок для сдачи, но считают, что берут взаимнообразно, и перед тем как взять, долго молятся перед этим шайтаном. Лучшим подарком для шайтана считается шкурка рассомахи и, несмотря на изобилие этого зверя, сдается заготовителям очень мало. В своем большинстве оседают по шайтанам. Остяки страшно не любят, когда русские, бывая в юртах, рассматривают эти ящики даже издали, также не любят, когда в юрте разговаривают про их шайтана, по их закону этого делать нельзя. В юртах Ачевых (Анеевых. — А. Б.) Сыртыньинского с/с при разговоре с одним активистом бедняком выяснилось, что если он возьмет хоть одну шкурку из шайтана, без согласия на это жены и других взрослых членов семьи, то за это они могут его убить, и это у них не считается преступлением.

При разговоре в юртах Межи Сарампаульского тузсовета с девицами, последние говорят, что раньше им говорили, что русские — это враги туземцев и с ними нельзя говорить, но сейчас они считают, что все люди одинаковы, что русские, что остяки, самоеды и туземцы.

По всей реке Сосьве страшно еще развиты пляски около убитого медведя, не проходит ни одного случая при добыче медведя, чтобы остяки не съезжались с окружающих юрт для производства пляски и поедания этого мяса. В период пляски у медведя вынимаются все зубы, и по одному зубу дается остякам, и почти у каждого остяка по Сосьве наблюдается повешенный зуб на цепочке и привязанный к поясу на спине, это они считают, что при наличии этого зуба никогда не будет болеть и уставать спина.

Л. 28. Сосьвинские остяки страшно самостоятельны, если он что сказал или пообещал, то обязательно выполнит, и страшно не любят, если русские что обещают и не выполняют, даже самые мелочи, тот, кто им пообещал и не сделал, теряет навсегда их авторитет. Зыряне, живущие в некоторых юртах с ними, частенько их надуют. В юртах Тим-Кисун⁶ наблюдаются такие случаи: сами остяки, вернее, их жены не умеют выпекать хлеб, зыряне берут у них муку, пекут им хлеб и отдают им печеным хлебом по количеству взятой у них муки, а бывают даже такие случаи — за мешок муки дают им мешок сухарей, да еще за выпечку с них плату белками. Правда этот вопрос я крепко ставлю в райсоюзе об изжитии этого момента и организации выпечки хлеба кооперативами с выдачей полностью всего припека за плату, покрывающую расход кооператива по организации этого дела.

В юртах Нильдино Сартыньинского тузсовета наблюдается вот такой обычай, женщины во время родов были изолированы в отдельный чум, и после прибытия там двух месяцев ее вводили в юрту к мужу, шагах в пяти перед входом бросается до красна накалившийся топор, и она держит ребенка на руках, проходит через него три раза. При самом входе ставится два котла, в которых разводятся огни, в этот огонь бросают части мелких тряпок, и она, держа ребенка в руках, перепрыгивает через котлы с горящим огнем, после чего входит в юрту, считается, что она очистилась от злого духа, и сразу же всех присутствующих угощает сваренным мясом, и подают чай. В юртах Шом (Шомы. — А. Б.) наблюдался такой случай, у одного остяка все детиски заболели корью и благодаря того, что их застудили, двое из них умерло, так эту юрту бросили совсем и никто в ней не живет, и считали ее не нравящуюся ихнему богу.

В Сарампаульском сельсовете 27 марта мною производилась приемка пушнины, найденная участковым инспектором в шайтане в количестве 4-х мешков, примерно по стандартным ценам всей пушнины на 7.000 руб., но благодаря того, что эта пушнина лежала от 2-х и до 10 лет, то большинство ее погибло, и принято по стандартным ценам на 615 руб. Характерно, что к мордочкам каждой шкурки привязан уголком кусок шелкового материала с величину носового платка, в противоположном уголке каждого куса материала завязаны деньги — в своем большинстве серебряные монеты времен царя, есть советские монеты, есть николаевские достоинством в 10–25 и бумажные и есть кредитки колчаковские, но обязательно в каждой тряпочке какая-нибудь монета или бумажная кредитка.

Основные занятия Сосьвинских и Ляпинских остяков — это пушной промысел и рыбная ловля, на охоту они уходят в большинстве на оленях на склоны Урала, добывают в основном белку. Рыбой занимаются слабее и ловят ее только весной, т.е. в тот период, когда этот лов не требует большой затраты физического труда. Зимой рыбным промыслом почти совсем не занимаются, [...] это связано с затратой физического труда.

При проведении бесед с туземцами по заготовкам все время наталкивались на разговор о казымских событиях, беднота и активисты возмущаются этим и недовольны тем, что их увезли куда-то и не кончили

⁶ Возможно, это название д. Кимкъясуй, входящей в современное сельское поселение Саранпауль.

После Казымского мятежа: об одном отчете по сбору оперативной информации у сосьвинских манси...

на месте, шаманство и кулачество притихло и стало приторно любезным и услужливым, но невольно чувствуется, что маскирует себя наружно.

В юртах Ветках (Беткаш — А. Б.) Сартыньинского тузсовета один пошел к члену тузсовета для получения подводы, то последний подумал, что я совсем не знаю по туземному, а я кое что знаю, выразил [Л. 29] так «жаль, что на Казыме дело плохо вышло».

В Ломбовожском тузсовете по-моему дело неблагополучно с самим председателем тузсовета Таратыным.

Когда в Сарампауле проходил съезд кооператива, то он был делегатом, выступая в прениях, приторно юлил, что он за советские мероприятия, когда стали проводить выборы и партгруппы, предложили в члены правления туземца Лоншакова, который до 1921 г. занимался шаманством, но по приходу советской власти бросил все и все время был коммунистом и комиссией по чистке проверен. Несмотря на все эти объяснения, все же Таратов выступил в последний раз перед голосованием его кандидатуры и с пафосом сказал: «Учтите, товарищи, до чего нас довели шаманы в Казыме, и мы их хотим выбрать в члены правления — кооператива, Лоншаков же лучший охотник и рыбак с 1923 г. по выполнению планов пушнины и рыбы».

На первый взгляд кажется, что оно так и должно бы быть, что надо гнать шаманов, но когда разговаривавшись с бедняками, так они говорят, что Таратов имеет связь с шаманами и кулачеством и что последние ненавидят Лоншакова за то, что он бросил шаманство и стал активно работать в кооперативе.

В момент казымских событий этот Таратов тоже вел себя под шаманскую и кулацкую песенку, некоторые районные работники говорят, что он растерялся в то время.

Но проезжая через Ломбовож, 1–4 и здесь три дня танцевали около медведя, где принимал участие и Таратов, ходил по гостям, и по заявлению туземцев было проведено секретное сообщение шаманов и кулаков, на котором решили послать Таратова в Березов и узнать подробно, как обстоит дело с Казымом, и правда ли, что все кончено. При проверке оказалось, что действительно Таратов на второй день взял у одного кулака оленей и поехал в Березов и сказал секретарю, что он едет в Березов по своим делам.

Возможно, что мои эти наблюдения и ошибочны, но мне кажется по своим наблюдениям, что как бы этот Таратов не оказался вроде казымского председателя Тузсовета, считаю, что его надо крепко проверить, ибо многие туземцы говорят, что Таратов всегда громит шаманов и кулаков в глазах работников района и других, а как никого нет, так он все время шушукается с кулаками и шаманами.

7 марта 1934 года

ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 199. Л. 27–29

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию № 121041600045-8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов М.Г., Адаев В.Н., Ганопольский М.Г., Ключева В.П., Лискевич Н.А., Поплавский Р.О. Постколониальность Сибири: Региональный синдром // *Философские науки*. 2015. № 8. С. 66–79.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов: XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: РА АРТмедиа, 2005. 360 с.

Головнее А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Грамотчикова Н.Б. Озеро Нумто: «Я полюбил эту могилу...»: События на озере Нумто в «чекистском эпосе» и эго-документах // *Чужими голосами: Память о крестьянских восстаниях эпохи Гражданской войны* / Под ред. А.В. Кравченко, Н.А. Ломакина. М.: Нов. лит. обозрение, 2023. С. 194–237.

Грамотчикова Н.Б., Енина Л.В. Книга о любви и верности: Реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 109–129.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. 160 с.

Ерныхова О.Д. Казымская культурная база как социальный эксперимент Советского государства // *Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования*. 2010а. № 1. С. 101–108.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: (Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: ИЦЦ ЮГУ, 2010b. 212 с.

Источники по этнографии Западной Сибири / Подгот. Н.В. Лукина, О.М. Рындина; Ред. Г.Е. Марков, Н.В. Лукина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 280 с.

Лезте А. Казымская война: Восстание хантов и лесных ненцев против советской власти. Тарту, 2004. 286 с.

Лискевич Н.А. «Жизнь, права и обычаи остяков по реке Сосьве Березовского района»: Об одном отчете по сбору оперативной информации Ханты-Мансийским окружкомом ВКП(б) после Казымского восстания 1933–1934 годов // *Большое городище: Лит.-краевед. альманах*. 2016. № 3 (36). С. 176–187.

Перевалова Е.В. «Красная» колонизация Обского Севера: Революционные преобразования и этничность (1917–1930-е гг.) // *УИВ*. 2009. № 2 (23). С. 125–133.

Перевалова Е.В. Остяко-вогульские мятежи 1930-х гг.: Были и мифы // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2016. Т. 10. № 1. С. 131–146.

Пиманов А.С., Пилюков А.Н. Волнения коренного населения на Казыме в 1930–1933 годах // *Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея*: 1998. Тюмень, 1999. С. 75–90.

- Северная Сосьва: (Исторические и современные проблемы развития коренного населения) / Под ред. А.В. Головнева. Шадринск: Исеть, 1992. 75 с.*
Leete A. The Role of Customary Law in the Kazym War: Women and Sacred Rules // Studies in Folk Culture. Tartu: Tartu University Press, 2003. Vol. 1. S. 23–45.
Leete A. Reconsidering the Role of Shamans in Siberia during the Early Soviet Era // Shaman. 2015. Vol. 23. Nos. 1–2. Spring/Autmn. S. 89–108.
Toulouze E., Vallikivi L., Leete A. The Culture Bases in the North: Sovietisation and Indigenous Resistance // Northern Studies Monographs. Umeå Univesity, 2016. URL: <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01275689> (дата обращения: 17.02.2016).

ИСТОЧНИКИ

- Айпин Е.Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 304 с.*
ГАСПИТО. Ф. 107. Оп. 1. Д. 111, 116, 199, 332.
«Империя обязана насаждать свой язык»: Темные страницы истории советской Югры в фильме «Ангелы революции». 05.11.2015 // URA.RU. Российское информационное агентство. URL: <http://ura.ru/news/1052229119> (дата обращения 25.07.2016).
Наварская С.Б. Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века: Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев: Документальная повесть. URL: <http://ru.calameo.com/books/0022066590bc0d68273cc> (дата обращения 24.07.2016).

Bogordayeva A.A., Liskevich N.A. *

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Cherishhevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation
E-mail: bogordayeva@mail.ru (Bogordayeva A.A.); povod_n@mail.ru (Liskevich N.A.)

After the Kazym rebellion: on one report on the collection of operational information from the Sosva Mansi in 1934

The purpose of the article is to analyze and publish a report on the collection of operational information by the Khanty-Mansiysk District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) after the Kazym uprising of 1933–1934. The report is dated March 7, 1934, and it contains information about life, rights and customs of the indigenous inhabitants of the Sosva and Lyapin river basins located in the Berezovsky district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra (North-Western Siberia). In the history of the study of the Kazym rebellion, several main research lines are noted, including the identification and analysis of the factors of the uprising, their impact on life of the indigenous population, and also the analysis of the actions of the authorities to suppress the rebellion and to prevent similar protests. The events related to the Kazym rebellion and its consequences are preserved in historical and social memory. However, the documents still exist reflecting the actions of the authorities to prevent such events, which have not yet been introduced into scientific circulation. The prevention of protest movements was associated, first of all, with the identification of the “counter-revolutionary” sentiments locally, as well as of the religious and social status of local residents, and with the fight against shamanism and “kulaks”. A similar task was performed by an unknown author of the report. The report represents a logical narrative, with an emphasis on information related to the manifestation of religiosity by local residents and their attitudes towards the Kazym uprising; it contains the author’s critical statements on his own observations and ends with recommendations for verifying the revealed facts. The author provides ethnographic description of the lifestyle, houses, dress, everyday features, home sanctuaries and cult attributes, bear celebration, maternity rites. In a number of cases, the document contains errors — in the name of the people living in the area, in the names of settlements. At the same time, noteworthy is the information on bear fangs, men’s and women’s hairstyles, the custom of “borrowing” from the sacrifices of the spirit, inter-ethnic relations, etc. Of particular value is the data on the rite of transition of a mother with a child back to the residential building after the childbirth, recorded in Verkhnenildino (Nildino), on the abandonment of a dwelling after the death of two children within it from illness (measles) in the village of Shomy (Shom). The information presented here largely complements the available materials on the social processes in the 1930s and represents a valuable source on the culture and life of the population of northern Sosva at the beginning of the 20th century.

Keywords: Soviet power, traditional ritual, hunting, fishing, customary law, indigenous peoples, Mansi, Komi-Zyryans, Ob-Irtysh North, Kazymskaya cultbasa.

Funding. The work was done according to the state order № 121041600045-8.

* Corresponding author.

REFERENCES

- Agapov, M.G., Adayev, V.N., Ganopolsky, M.G., Kliuyeva, V.P., Liskevich, N.A., Poplavsky, R.O. (2015). Postcolonial Siberia: regional syndrome. *Filosofskiye nauki*, (8), 66–79. (Rus.).
- Glavatskaya, E.M. (2005). *Religious traditions of the Khanty: XVII–XX centuries*. Ekaterinburg; Salekhard: RA ARTmedia. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (Ed.) (1992). *Northern Sosva (historical and modern problems of the development of the indigenous population)*. Shadrinsk: Iset. (Rus.).
- Golovnev, A.V. (1995). *Speaking cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugric peoples*. Ekaterinburg: UrO RAN. (Rus.).
- Gramatchikova, N.B. (2023). Lake Numto: “I fell in love with this grave...”: Events at Lake Numto in the “Chekist epic” and ego-documents. In: A.V. Kravchenko, N.A. Lomakina (Eds.)/ *Chuzhimi golosami: pamyat o krestianskikh vosstaniyakh epokhi Grazhdanskoj vojny*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 194–237. (Rus.).
- Gramatchikova, N.B., Yenina, L.V. (2015). The book about love and loyalty: Reconstruction of the image of a communist father in his daughter’s memoirs. *Quaestio Rossica*, (4), 109–129. (Rus.).
- Ernykhova, O.D. (2003). *Kazym rebellion: On the history of the Kazym rebellion of 1933–1934*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. (Rus.).
- Ernykhova, O.D. (2010a). Kazymskaya cultural base as a social experiment of the Soviet state. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, (1), 101–108. (Rus.).
- Ernykhova, O.D. (2010b). *Kazym rebellion: (On the history of the Kazym rebellion of 1933–1934)*. 2nd ed., add. Khanty-Mansiysk: ICC Yugu. (Rus.).
- Leete, A. (2003). The Role of Customary Law in the Kazym War: Women and Sacred Rules. In: *Studies in Folk Culture. Vol. 1*. Tartu: Tartu University Press, 23–45.
- Leete, A. (2004). *Kazym war: Uprising of the Khanty and Forest Nenets against the Soviet regime*. Tartu. (Rus.).
- Leete, A. (2015). Reconsidering the Role of Shamans in Siberia during the Early Soviet Era. *Shaman*, (23), Nos. 1–2, Spring/Autmn, 89–108.
- Liskevich, N.A. (2016). “Life, rights and customs of the Ostyaks along the Sosva River of the Berezovsky District”: On one report on the collection of operational information by the Khanty-Mansiysk Okrug Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks after the Kazym uprising of 1933–1934. *Bol'shoje gorodishche: Literaturno-krayevedcheskiy al'manakh*, 36(3), 176–187. (Rus.).
- Markov, G.Ye., Lukina, N.V. (Eds.) (1987). *Sources on the ethnography of Western Siberia*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2009). “Red” colonization of the Ob North: Revolutionary transformations and ethnicity (1917–1930s). *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*, 2(23), 125–133. (Rus.).
- Perevalova, E.V. (2016). Ostyako-Vogul revolts of the 1930s: There were also myths. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 10(1), 131–146. (Rus.).
- Pimanov, A.S., Piyukov, A.N. (1999). Unrest of the indigenous population on Kazym in 1930–1933. In: *Yezhegodnik Tyumenskogo oblastnogo krayevedcheskogo muzeya: 1998*. Tyumen, 75–90. (Rus.).
- Toulouze, E., Vallikivi, L., Leete, A. (2016). The Culture Bases in the North: Sovietisation and Indigenous Resistance. In: *Northern Studies Monographs*. Umeå Univesity. <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01275689>. Submitted on 17 Feb 2016.

Богордаева А.А., <https://orcid.org/0000-0002-2665-4833>

Лискевич Н.А., <https://orcid.org/0000-0001-6622-0530>

Сведения об авторах:

Богордаева Аксана Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень.

Лискевич Нина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ТюмНЦ СО РАН, г. Тюмень.

About the authors:

Bogordayeva Aksana A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Liskevich Nina A., Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 27.02.2023

Article is published: 15.06.2023